

номъ ложью воздухѣ, такъ называемаго, культурнаго міра.

Наука честнѣе; но она невыносима, ибо замыкаясь въ безвыходный кругъ безплоднаго верченія, она не считается съ человѣкомъ и его жизнью, она занята собственными задачами и цѣлями, и ученые, какъ маньяки, поглощены только отвлеченными вопросами науки самой въ себѣ, безотносительно къ проклятымъ вопросамъ человѣческой жизни. Это такая же игра, какъ и все въ жизни, и необходимо сперва окончательно обмануть себя, повѣрить въ игру, какъ въ реальную дѣйствительность, чтобы заниматься ею.

Толстой возвѣстилъ безжизненность эмпирическаго и рационалистическаго методовъ познанія міра, опредѣливъ тотъ методъ внутренняго, интуитивнаго познанія, который теперь утверждень блестящими представителями философской мысли.

Ни философія, ни опытная наука не отвѣтятъ ему на вопросы: Зачѣмъ міръ? Почему я? На пути этого такъ называемаго разумнаго знанія Толстой нашелъ «отрицаніе жизни», точно также, какъ на пути вѣры—отрицаніе разума.

Между тѣмъ «опьяненіе жизнью» безвозвратно исчезло еще и потому, что старость овладѣвала могучимъ организмомъ, который все же изнашивался. «Я почувствовалъ, что